

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 316.74 + 316.2 + 316.3

О. В. Павенков

НОРМАТИВИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Э. ДЮРКГЕЙМ, М. ВЕБЕР И Т. ПАРСОНС)

Статья посвящена историко-социологическому теоретическому изучению проблемы ценностей и ценностных ориентаций. Представлены социологические воззрения на ценности классиков социологии Э. Дюркгейма, М. Вебера и Т. Парсонса. В результате анализа взглядов данных социологов была выявлена специфика социологического подхода к ценностям и ценностным ориентациям. Новаторским является проведенный сравнительный анализ взглядов Т. Парсонса и М. Вебера на ценностную проблематику. В статье рассмотрен методологический базис социологического подхода, состоящий в сочетании «отнесения к ценностям» и «свободы от оценки».

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, ценностные суждения, отнесение к ценностям, свобода от оценки, идеал, реальность *sui generis*.

Понятие «ценность» является предметом изучения многих социогуманитарных наук — философии, психологии, культурологии и др. В рамках данной статьи автор делает попытку проследить основную канву понимания ценности у классиков социологии Э. Дюркгейма, М. Вебера и Т. Парсонса и выявить специфику социологического подхода к изучению ценностей.

Э. Дюркгейм свои взгляды на ценности наиболее четко и лаконично изложил в докладе на Международном философском конгрессе в Болонье, названном «Ценностные и “реальные” суждения». В этой небольшой работе он попытался классифицировать различные точки зрения на то, что есть ценность. В соответствии с первой точки зрения ценность вещи — «простая констатация впечатлений, производимых вещью в силу ее внутренних свойств» [3, 288]. Например, жизнь есть ценность, так как человек — живое существо. Однако

данный подход не учитывает многообразия человеческих чувств и представлений. Поэтому концепцию Дюркгейма можно отнести ко второму подходу: ценностные «суждения соответствуют какой-то объективной реальности, на которой может и должно основываться согласие. Именно такую реальность *sui generis* образуют ценности, а ценностные суждения суть те, которые относятся к этой реальности» [3, 288]. То есть ценность вещи связывается не с какими-либо внутренними ее свойствами, а с некоторым идеалом, святыней. По Дюркгейму, социологический подход к ценностям состоит в том, что «ценность при этом создается тем, как вещь влияет на коллективного, а не на индивидуального субъекта» [Там же, 290], что исключает из этого понятия субъективный момент, так как «оценка объективна уже благодаря тому, что она коллективна».

Ценность, по Дюркгейму, не имеет своим источником вещь, она независима от нее. Значит, ценности и идеалы являются критерием вещей. Но тогда что или кто является ее источником? Дюркгейм пишет: «...идеальное не находится в услужении у реального, оно существует для себя самого; поэтому интересы реальности не могут быть его мерой» [Там же, 294–295]. Однако данное суждение вызывает у Дюркгейма ряд вопросов: «Ценность, приписываемая таким образом идеалу, сама по себе не объясняется... Но вне реального где можно найти материал, необходимый для какого бы то ни было объяснения и откуда берется то, что у человека одновременно есть потребность и средство возвышаться над реальным, добавлять к чувственному миру иной мир, в котором лучшие из нас видят свою настоящую родину?» [Там же, 295]. Эти вопросы разрешаются теологией, постулирующей абсолютность, объективность, надбывтийность, неизменность и нераздельность Идеала.

Критикуя «подобие ответа», даваемое теологией, Дюркгейм говорит об изменчивости и разнообразии идеалов и задает ей вопрос: как объяснить изменения идеалов, если идеал выражает одну и ту же неизменную реальность? Проблема тут в том, что существует терминологическая путаница: если мы считаем идеал объективной реальностью, а с другой стороны, мы говорим о его изменчивости, разнообразии, что выступает характеристикой субъективности, то получается, что мы обозначаем одним и тем же термином «идеал» как некий объективный факт, так и наше представление об этом факте. Это проблема была блестяще решена И. Кантом через введение понятий «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас».

Э. Дюркгейм, говоря о разнообразии, изменчивости, зависимости от общества, имел в виду характеристики ценностных ориентаций и идеальных представлений, так как именно они могут быть познаны методами науки. Когда же он говорит о реальности особого рода, имеется в виду собственно ценность. В таком понимании вполне ясно дюркгеймовское определение идеала: «Идеалы же (идеальные представления. — О. П.) — это просто идеи, в которых изображается и обобщается социальная жизнь в том виде, как она существует в кульминационных пунктах своего развития» [Там же, 300]. Сам идеал описывается Дюркгеймом следующим образом: «Но идеал — это не только нечто недостающее и желаемое... Он своеобразен и обладает собственной реальностью» [Там же, 300].

Таким образом, Дюркгейм решает дихотомию ценностных и «реальных» суждений в понятии «идеал»: «Ценностные суждения опираются на идеалы. Но так же обстоит дело и с “реальными” суждениями. Ведь понятия — это также порождения духа, следовательно идеалов» [3, 302]. Более того, именно в идеале Дюркгейм видит своеобразный предмет социологии: «Социология, таким образом, изначально расположена в области идеала; она не приходит к нему постепенно, в результате своих исследований, а исходит из него. Идеал — это ее собственная сфера» [Там же, 304]. Понимая идеал как систему ценностей, Дюркгейм видел в нем его социальное содержание, его потенциал влияния на социальную жизнь людей. Итак, в соответствии с подходом Э. Дюркгейма идеалы и ценности составляют один из возможных предметов социологии, что делает и эту науку «позитивной».

Несмотря на большой вклад Дюркгейма в разработку социологической теории ценностей, первым социологом, который ввел проблему ценностей в социологию, был М. Вебер. М. Вебер в «понимающей социологии» связывал ценности со «смыслом», являющимся ключевым понятием в понимании человеческих действий и человеческой культуры. В данном случае само понятие «смысл» употребляется в расширительном виде: смысл как «смысл жизни» и «смысл мира». С точки зрения М. Вебера, ценность — это норма, которая имеет определенную значимость для социального субъекта. В этой связи он особо подчеркивал роль этических и религиозных ценностей в развитии общества. Именно М. Вебер впервые задал вопрос о том, каковы собственные этические установки и ценностные ориентации самих социологов, изучающих совершенно различные ценностные ориентации общественного мнения. Макс Вебер, отвечая на этот вопрос, утверждал, что нравственные ценности отдельной личности выступают единственным гарантом этического в культуре. Вместе с тем Вебер обратил внимание на то, что ценностная индифферентность (безразличность) и неограниченное применение девиза «Живи и давай жить другим» могут стать опасными при либерализме, который противопоставил догматическим ориентациям лишь субъективность и скрытый эгоизм.

В «Протестантской этике и духе капитализма» М. Вебер подчеркивал важное значение этических ценностей протестантизма для развития «капиталистического духа». Согласно Веберу протестантизм является мотивирующим фактором активной жизнедеятельности во всех сферах жизни личности. Христианство дает человеку «ценностно-рациональные» стимулы к дисциплине и труду. М. Вебер показал, что мотивация может основываться не только на идеологических, но и на религиозных ценностях. В Западной Европе это протестантские ценности, повлиявшие на формирование капитализма.

Кроме того, М. Вебер одним из первых затронул вопрос о соотношении науки и ценностей. Конечно, как правило, научная деятельность ученого носит целерациональный характер. Однако, по М. Веберу, это не означает, что ученый не должен опираться на определенные ценности и моральные нормы, хотя бы потому, что конечная цель ученого — Истина, которая является для него не чем иным, как ценностью. С одной стороны, принципы науки требуют, чтобы все оценочные суждения ученого не вторгались в его исследования, т. е. чтобы

он не выражал в них свои эстетические или политические вкусы. Но, с другой стороны, интерпретации и объяснения, которые дает ученый, в том числе социолог, закономерно ориентированы в своих интересах на воплощение тех или иных ценностей и, как правило, Истины. То есть каждый человек, а значит и ученый, объективно является «ценностным существом», а следовательно, не может избавиться от так называемой «субъективности» интерпретации. Его «субъективность» обусловлена ценностью, на которую осознанно или неосознанно он опирается. Сам его научный интерес не может быть случайным, он сложился на основе предпочтений, за которыми стоит ценность.

Социологи трактуют понятие М. Вебера «свобода от оценок» как свободу от ценностей, что в сущности не верно, так как сам М. Вебер под оценкой понимал «практическую оценку доступного влиянию наших действий явления как достойного порицания или одобрения» [1, 547]. То есть речь не о ценностях как таковых, а именно о политических, религиозных и эстетических пристрастиях ученого, эмоционально окрашенном отношении к этим ценностям. М. Вебер значительно ограничивает, но все же допускает выражение тех или иных практических ценностей в научно-преподавательской деятельности. Более того, он говорит о необходимости ведения специальных «дискуссий о ценностях», целью которых является «постижение того, почему и в чем согласия не может быть» [Там же, 561].

Дискуссии о ценностях для Вебера «и есть постижение истины» [Там же]. Вебер решительно критикует релятивизм в сфере ценностей и не забывает о том, что никакая ценностная теория не отражает самую главную ценностную борьбу: «Столкновение ценностей везде и всюду ведет не к альтернативам, а к безысходной смертельной борьбе, такой как борьба “Бога” и “дьявола”. Здесь не может быть ни релятивизаций, ни компромиссов...» [Там же, 565]. Однако реальная жизнь создает иллюзию, что «сферы ценностей пересекаются и переплетаются. Выравнивание, которое производит “повседневность” в самом прямом смысле этого слова, и заключается в том, что в своей обыденной жизни человек не осознает подобного смешения глубоко враждебных друг другу ценностей... и не хочет осознавать» и тем самым «уходит от необходимости сделать выбор между “Богом” и “дьяволом”» [Там же, 561]. Этот кардинальный ценностный выбор — выбор божественной Целости или выбор «дьявольских» ценностей, или антиценностей — определяет как все течение человеческой жизни, нравственный уровень его деятельности, так и конечный исход, результат человеческой жизни.

М. Вебер, говоря о фактической невозможности познания собственно ценностей, утверждает, что эмпирическая наука может своими средствами определить только средства, необходимые для того, чтобы «вывести из них директивы для практически ценных действий» [Там же, 453]; неизбежные побочные результаты предпринятых действий; обусловленную этим конкуренцию между возможными различными оценками и их практические последствия.

Таким образом, указав на разницу науки и веры [Там же, 412], М. Вебер сферу этических императивов и высших ценностей выносит за сферу социальных наук, т. е. считает, что их научное постижение невозможно. В заключение

отметим, что, несмотря на это, Вебер говорил о значимости научной истины как ценности: «Научная истина есть именно то, что является “значимым для всех, кто стремится к истине”» [1, 383].

Социологический подход наиболее систематично разрабатывался выдающимся западным социологом Толкоттом Парсонсом, который рассматривал ценности с точки зрения выполняемой ими функции. Он считал, что общество как социальная система является интегративным «ядром» системы действия («единичного акта»). «Ядро самой социальной системы представляет собой систему “социетальной общности” как нормативную систему образцов, упорядочивающих и организующих социальную жизнь субъектов. Одними из этих “образцов” являются ценности, предполагающие культурную референцию, способствующую их означению и легитимизации» [5, 479].

Для изучения социальных систем Т. Парсонс предлагает использовать четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли. «Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств» [Там же, 16]. Таким образом, Парсонс указывает на важную роль ценностей в воспроизводстве социокультурных образцов, рассматривая их в контексте не духовного, а социального бытия. Он так же, как и предыдущие классики, выделяет в ценностях их субъективно-нормативный компонент, рассматривая их не как самодостаточное бытие, а как «представления» субъекта о лучшем устройстве общества.

Важно также подчеркнуть, что Парсонс определяет ценность как легитимизирующий стандартизированный образец. Он сопоставляет его с нормой и при этом связывает понятие «ценность» с ролью, а понятие «норма» — с коллективом. В своей работе «Социальное изменение» он пишет: «В связи с различением роли и коллектива на уровне единиц устанавливается различие между нормой и ценностью на уровне отношенческого стандарта. Ценность — нормативный стандарт, который определяет желаемое поведение системы относительно ее окружения без дифференциации функций единиц или их частных ситуаций. Норма, в свою очередь, является стандартом, определяющим желаемое поведение для единицы или класса единиц в специфических для них контекстах» [Там же]. Если ценность не предполагает разделения функции субъектов и регулирует их поведение вне зависимости от контекста, то норма, указывая на желательное поведение, всегда реализуется в рамках конкретной ситуации. Однако и ценность, и норма для того, чтобы реализоваться в рамках определенной социальной структуры, должны носить институциональный характер [Там же, 482]. Для достижения нормативного поведения, подчиненного определенным ценностям, должен существовать «институциональный комплекс», устойчивость которого зависит прежде всего от «стабильности самих нормативных стандартов» [Там же]. Т. Парсонс так пишет о взаимозависимости институтов, коллективов и ролей, ценностей и норм: «Чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны “руководствоваться” конкрет-

ными ценностями и нормами, а сами ценности и нормы институционализируются только постольку, поскольку они “воплощаются в жизнь” конкретными коллективами и ролями» [5, 17].

Утверждая религиозное происхождение ценностей, Парсонс предупреждает о возможной социальной опасности, которую представляет религиозный плюрализм для общества и личности: «Поскольку ценности общества уходят своими корнями в религию, одним из возможных последствий плюрализации религии является разрушение морального или ценностного консенсуса» [Там же, 130]. По Парсонсу, существуют не только религиозные и моральные ценности, хотя они являются основой для всех остальных, но и другие социально значимые нормативные компоненты культурной системы: «Моральные ценности — не единственный компонент ценностного содержания культурной системы. Существуют другие, например, эстетические, познавательные или собственно религиозные ценности. Культуры дифференцируются не только по линии морали; религия, искусство как область экспрессивной символизации, эмпирическое знание, в конечном счете наука, тоже становятся независимыми дифференцированными культурными системами» [Там же, 27]. Каждый вид ценностей образует базис соответствующей культурной системы, что, однако, не мешает этим системам интегрироваться в единую культурную систему. При этом ценности, лежащие в основе культурной организации, рассматриваются Парсонсом не изолированно от других элементов, а во взаимосвязи с иными компонентами: на уровне культуры социальные ценности составляют лишь часть более обширной системы ценностей, поскольку оценке подлежат и все прочие классы объектов, входящие в систему действия. Ценности также находятся в определенных отношениях с другими компонентами культурной системы — эмпирическим знанием, системами экспрессивных символов и конститутивными символическими структурами, образующими ядро религиозных систем. Однако ни одна из социокультурных систем, кроме религии, не может убедить субъектов в законности ценностей и необходимости следования им: «В конечном счете ценности легитимизируются главным образом в религиозных терминах» [Там же, 19–20]. При этом Парсонс выстраивает определенную социальную иерархию ценностей, считая, что «относительно каждой категории существует иерархия; например, ценности, принятые всем обществом, должны иметь приоритет перед ценностями отдельных коллективов — семьи или фирмы». Тем самым он подчеркивает приоритет общего над частным и в сфере ценностных установок. Сопоставляя подходы Парсонса и Вебера в области научного изучения ценностей, можно проследить преемственность в этих взглядах. Как пишет сам Парсонс, «мы рассматриваем ценности, в веберовском смысле этого слова, как особую форму коллективных представлений» [Там же, 256].

Итак, проведенная работа по изучению трудов классиков социологии позволяет нам сделать ряд выводов. Во-первых, нормативистский подход к ценностям не может быть монолитным и состоит из разных по содержанию концепций. Иными словами, вышеуказанные авторы трактуют понятие «норма» совершенно по-разному. Если Э. Дюркгейм, исходя из типа солидарности, трактует нормы как социальные и моральные факты, то М. Вебер, разрабатывая

понимающую социологию, рассматривает норму как смысловую структуру, заданную типом и структурой социального действия. Т. Парсонс делает акцент на функционале нормы. Учитель Т. Парсонса — П. А. Сорокин — основывается, особенно в поздних работах, на понимании нормы как формы чувственной и идеациональной культуры. В фундаментальном труде В. В. Козловского и И. А. Голосенко по истории русской социологии дается такое изложение его теории культуры: «Соответственно конструируются три типа культур: “умозрительная” (Ideational), “чувственная” (Sensate) и “идеалистическая” (Idealistic). “Умозрительную” культуру характеризуют доминирование элементов рационального мышления, ценности, одушевляющие ее, — абсолютные, трансцендентные, императивные. В “чувственной” культуре господствующим оказывается материалистическое мировоззрение, в познании преобладают чувственные формы, а свойство целостности придает ей утилитарные, чувственные, гедонистические ценности. Наряду с “чистыми” существуют и несколько смешанных типов, логически интегрированным из которых оказывается лишь единственный — “идеалистический” тип. Это органический синтез двух полярных типов, появляющийся в истории тогда, когда в мировоззрении людей переплетаются материалистические и религиозно-идеалистические взгляды, преобладает интуитивный вид познания» [2, 112]. П. А. Сорокин в своей теории культурной динамики стремился охватить нормативно все пространство культуры.

Следует отметить, что между нормами и ценностями, по мнению проф. В. В. Козловского, есть ряд существенных отличий. Нормы — это некий свод правил, формируемый для решения конкретных задач. Функции меняются и дополняются. Поэтому это свод норм лишь по видимости устойчив. Нормы в отличие от ценностей изменчивы и выражают интересы больших и малых социальных групп для поддержания устойчивого развития. Норму структурируют социальные действия. Ценности имеют иную специфику. Ценности, по сути, не являются нормативными и изменчивыми; они ориентируют, направляют понимание и социальное действие [4, 156].

Таким образом, в классической западной социологии ценности — это:

- 1) «коллективные представления», нормы, значимые для социального субъекта, придающие «смысл» человеческим действиям (М. Вебер);
- 2) представления, возникающие на основе кооперации и солидарности людей (Э. Дюркгейм);
- 3) объекты субъективного интереса и предпочтений определенного способа действий (Т. Парсонс).

Итак, социологический подход к изучению ценностных ориентаций делает акцент на ценности личности человека как самоценности для общества, вне зависимости от вклада конкретного человека в воспроизводство общественного бытия. Способом научного социологического познания всего многообразия общественного бытия является «отнесение к ценностям» (в сочетании со «свободой от оценок»). Поэтому без соотнесения с ценностями как центральными категориями общественного дискурса невозможно социологическое понимание и объяснение социального мира.

1. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М., 1990.
2. Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.soc.pu.ru/publications/books/history_of_russian_sociology/chapter9.html
3. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
4. Козловский В. В. Социальные ценности: анализ оснований российской модернизации : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1995.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 2000.

Рукопись поступила в редакцию 2 ноября 2010 г.